

Головина Любовь Геннадьевна закончила филологический факультет и аспирантуру МГУ им. М.В. Ломоносова.

Специализация – литературовед по профилю «Детская литература». Окончила курсы литературного мастерства в Литературном институте имени Горького (мастерская «Детская проза»). По профессии — журналист, редактор.

Публиковалась в иркутском альманахе для юношества «Первоцвет», журнале «Азь-Арт», журнале «Сибирь».

Любовь Головина г. Иркутск

Маленький ребёнок лет полутора-двух подбегает ко мне на улице.

Ко мне, к совершенно постороннему человеку, так уверенно, будто мы знакомы с ним сотню лет: были знакомы где-то в другом мире, до того, как оба пришли в этот.

Он хватает меня за руки и улыбается во всю ширь своего маленького, местами ещё беззубого рта.

Смотрит ввысь, а всё его лицо светится от счастья:

«Ну наконец-то мы встретились».

Пролетая над моей макушкой,
Голубь не сдержался.
Манна небесная порой принимает
Странные формы.

Веточка сакуры

Веточка сакуры из моей головы тянется в небо,
как ребёнок, увидевший птичку или самолёт.
Она тянется туда, где ты никогда не был,
где вообще мало кто был,
учитывая масштабы человечества.
Туда, где летает по орбите душа Гагарина и думает:
«Как же всё-таки прекрасна Земля».

Веточка сакуры – моя связь с космосом, антенна,
которая ловит сигналы с творческого спутника,
летающего по орбите вместе с душой Гагарина.
Сколько идей, открытий, эвристических решений,
доступных каждому гораздо больше,
чем квартира по программе «Доступное жильё».
Нужно всего лишь настроиться на волну,
а потом уж твори, созидай, создавай нечто великое.

Главное – приобрести антенну.
Любым способом.
Я, например, взрастила на темечке семечку,
Из которой тянется в небо веточка сакуры.

Каждую ночь с хмеля осыпаются звёздочки –
настоящий хмельной звездопад.
В этом дурмане проносятся мириады желаний.
Вот лежу я на пляже,

наматываю выгоревший локон на палец
и ни о чём не думаю.

Работа моя на сегодня закончена.

Я кормлю себя тем, что рисую картинки
на прибрежных камнях,
а потом продаю их туристам
по цене мировых шедевров.

Если хочется развлечений, то хожу под парусом.

Если хочется хулиганить, то, взгромоздясь на сап*,
подплываю тихой сапой к настоящим кораблям
и беру их на абордаж...

А потом я беру в руки веник.

Ведь утром мне не остаётся ничего,
кроме как выметать звёзды хмеля с крыльца.

* сап – SUP board – доска для сёрфинга с веслом

Маленькая мандаринка солнца
Выкатилась из-за хвойного леса,
Но пока взбиралась к зениту,
Превратилась в крутобокую дыню-колхозницу.

Она подставляла новому дню
Своё дебелое тело,
Сочилась светом на тусклый мир,
Заряжала людей витамином Д:
«Держите, дети. Это бесплатно!».
Но многие всё равно шли в аптеку.

Опечалилось дынное солнце.
Растрескалась морщинками гладкая кожа.

Появились на солнце пятна:
это чёрные круги под глазами матери,
так и не сумевшей научить главному –
лучшее в жизни даётся нам даром.

Пожары

Творог тумана отслоился от
мутной сыворотки Ангары.
Взяла природа большую ложку,
наложила творога большую плошку,
а вместо ягод смешала всё
с дымом таёжных пожаров.

Всё погрузилось в белую темноту.
Зелень и синь обесцветились,
живопись перешла в гризайль.
Только вьётся парок от творога,
как от горячего супа.

Стёрлись детали, осталась лишь суть:
вода, небо, солнце.
Да и те неуловимы, не сразу и разглядишь,
где заканчивается одно и начинается другое.

Снесена надстройка над базисом.
Нетронуты ступени пирамиды Маслоу,
кроме первой, она-то уж вся вышаркана.
Неценимое, нехранимое кануло в реку,
Только и раздался короткий «бултых»,
как будто рыба выплывала глотнуть воздуха
да и ринулась после на дно.

А потом все звуки стёрлись:
топором повисла звенящая тишина.
Это безмолвно звенит жестяной жбан
пустой головы человека.

#Кафкабыпонял

Я обхожу казённое серое здание.
Какое там ведомство, мне не ведомо,
но что-то важное, государственное,
в коридорах которого можно потеряться
и потерять полжизни в поисках справедливости.
Ускоряюсь со страшной силой:
жалко потратить впустую
даже песчинку из отмеренной мне
песочницы.

Я достаю из кармана фасолину,
гладкую, как отполированная волною галька;
молочно-белую, как грудка чайки;
с красными пятнышками бабочек-парусников.

Она сплющена с боков и напоминает
ступню новорождённого ребёнка.
Не выгнулся ещё дугой упругий свод.
Вместо него — мягко и плоско,
Будто подстелила природа соломки,
чтобы не было больно дитятке
топать-топотать по этой земле.
До поры до времени.
Сформируются потом косточки:
всё готово для переломов — тела, души, судьбы.

А пока я мусолю пальцами белую фасолину,
глажу нежную ножку младенца,
пытаясь смахнуть с неё красных бабочек:
«Улетайте, не мешайте дитяте спать».

Пусть хотя бы сейчас его покою
ничто и никто не помешает.
Пусть он будет счастлив.

У цветоводства есть что-то общее с поэзией.
Разве не поэт может придумать такие названия:
Шефлера, zamiокулькас, спатифиллум?
Разве не поэт будет проговаривать все эти слова,
Мучаясь, разжёвывая сложные буквенные сочетания,
вместо того, чтобы просто сказать «растение»?
Только вслушайтесь: традесканция, диффенбахия, драцена
– Это же просто музыка!
Или набор звуков.
Или слова для артикуляционной гимнастики.
Это уж кому как.
Но придумать такое мог только поэт.
Да и то не всякий, а тот, кто в прошлой жизни
Был вагантом (не путать с веганом!).
Красивая теория разбивается о бетонный парапет истории.
Ведь подарившие нам эти чудные слова –
аглаонема, гипоэстус, пеперомия –
и не поэты вовсе были, а учёные,
которым якобы чужда вся эта красота.
А это значит, что и научные открытия произрастают
в гидропонике поэзии.